
Ольга Купава
Корни подземного царства

Ольга Купава

Корни подземного царства

https://litres.ru/74734392
SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти отца Мирослава получает странный наказ: никогда не сажать дерево на его могиле. Но однажды из холодной земли пробивается серебряный росток, а с наступлением ночи превращается в лестницу, ведущую в таинственное подземное царство.

Там, среди перевёрнутых лесов, забытых имён и рек, хранящих чужие воспоминания, Мира узнаёт страшную правду: её отец, Ратибор, был последним хранителем древнего договора между людьми и обитателями Нижедолья. Теперь соглашение нарушено, граница миров рушится, а пробудившаяся тьма угрожает всему живому.

Вместе с загадочным Яромиром, чьё прошлое скрывает немало тайн, и странным существом по имени Крошник Мира отправляется на поиски последнего серебряного семени.

Но чем ближе она к разгадке, тем яснее понимает: чтобы спасти два мира, кому-то придётся заплатить цену, которую невозможно вернуть.

Ольга Купава
Корни подземного царства

Глава 1. Серебряный росток

Берестье провожало своих мёртвых тихо.

Здесь не любили громких причитаний, не били в колокола без особой нужды и не оставляли на могилах ярких цветов. Старики говорили, что покойникам не нравится шум, а цветы слишком быстро вянут, напоминая живым о том, что всё прекрасное однажды обречено увянуть вместе с ними.

Поэтому, когда умер Ратибор, его похоронили на рассвете, под низким серым небом, без долгих речей и лишних слёз.

Только ветер ходил между могильными крестами, шевелил сухую траву и трогал ветви старых берёз, словно пытался сказать что-то тем, кто ещё мог его услышать.

Мирослава стояла у свежей могилы и не чувствовала холода.

Хотя ноябрь выдался ранним. Земля уже схватилась тонкой коркой льда, на лужах возле кладбищенской ограды блестела мутная плёнка, а ветер пробирался под шерстяной платок и щипал щёки. Но Мира словно оказалась отделена от всего этого невидимой стеной. Она смотрела на тёмную землю, на простую деревянную дощечку с отцовским именем и

никак не могла поверить, что всё закончилось.

Ратибор больше не вернётся.

Не откроет дверь, когда она войдёт в дом, не спросит, почему опять промокла, не станет ворчать, если она забудет закрыть ставни перед ночным ветром. Не попросит принести воды из колодца и не будет сидеть у окна, перебирая старые травы, которые собирал даже тогда, когда уже почти не мог выходить из дома.

Она знала, что отец болен. Знала, что дни его сочтены. Последние месяцы он почти не вставал с постели, а по ночам часто просыпался и смотрел в темноту так, словно видел там кого-то невидимого для остальных.

Но знать о смерти и встретить её лицом к лицу оказалось совершенно разными вещами.

— Пойдём, Мирослава, — тихо сказала соседка, старая Дарья. — Простудишься.

Мира не ответила.

Дарья постояла рядом, поправила платок и вздохнула.

— Отец твой был человеком непростым. Но добрым. Земля ему пухом.

— Спасибо.

— Ты теперь одна осталась?

— Одна.

— Не совсем, милая. В деревне мы друг друга не бросаем.

Мира кивнула, хотя слова соседки не принесли облегчения. Она не хотела, чтобы её жалели. Не хотела слышать, что

время лечит, что нужно держаться и что жизнь продолжается. Все эти слова казались пустыми, когда перед глазами стояла свежая могила.

Когда люди наконец разошлись, Мира осталась одна.

Она опустилась на колени, осторожно убрала с земли маленькую сухую веточку и положила возле креста пучок полевых трав. Отец любил их запах. Особенно полынь и чабрец. Даже в последние дни, когда его пальцы почти перестали слушаться, он просил принести ему свежие веточки и долго держал их у лица.

— Я не знаю, что теперь делать, — прошептала она.

Ответа не было.

Только ветер прошёл по кладбищу, и где-то за оградой каркнула ворона.

Мира поднялась и направилась к выходу. У самых ворот она обернулась. Ей показалось, что на мгновение земля над могилой отца дрогнула, словно под ней кто-то глубоко вздохнул.

Она остановилась.

Посмотрела внимательнее.

Ничего.

Только влажная земля, деревянный крест и редкие листья, принесённые ветром.

Мира заставила себя идти дальше.

Дом встретил её запахом остывшей золы и сушёных трав.

Он стоял на краю Берестья, чуть в стороне от остальных

изб, за старым садом, где яблони давно перестали давать обильный урожай. За садом начинался лес. Не тот светлый берёзовый перелесок, куда деревенские женщины ходили за грибами, а густая чаща, которую местные называли Тёмным бором.

Ратибор не любил, когда туда ходили без нужды.

В детстве Мира часто спрашивала почему, но отец только отвечал:

«У леса свои тропы, у человека — свои. Не стоит путать одно с другим».

Она никогда не понимала, что он имел в виду.

Теперь же ей казалось, что в доме отца осталось слишком много недосказанного.

Мира сняла платок, повесила его возле печи и зажгла лучину. Огонёк дрогнул, осветил знакомые стены, полки с глиняными горшочками, старый стол и лавку возле окна. Всё стояло на своих местах, но без отца дом казался чужим.

Она подошла к печи, подбросила несколько поленьев и принялась разбирать вещи, оставшиеся после похорон.

Сначала попалась его старая рубаха, аккуратно сложенная на сундуке. Потом деревянный гребень, которым он расчёсывал седые волосы. На дне ящика лежал мешочек с сушёной мятой, а рядом — маленький нож с потемневшей рукоятью.

Мира взяла его в руки.

Этот нож отец носил с собой всю жизнь. Им он срезал тра-

вы, очищал корни, вырезал ложки и однажды, когда Мире было лет десять, вырезал ей маленькую деревянную птицу.

Она до сих пор хранила её.

Девушка положила нож обратно и закрыла ящик.

Потом её взгляд остановился на книге.

Она лежала на полке возле окна, между травником и старым сборником песен. Книга была без названия, в тёмном кожаном переплёте. Мира помнила её с детства, но отец никогда не разрешал брать её в руки.

— Это не для тебя, — говорил он каждый раз, когда замечал её любопытство.

— А для кого?

— Для того, кто сумеет прочесть.

Тогда Мира обижалась, считая, что отец просто не хочет делиться своими тайнами. Теперь же она подошла к полке и осторожно сняла книгу.

Переплёт оказался холодным.

Не просто прохладным, как бывает у вещей, долго стоявших возле окна. Холод будто исходил из самой кожи, проникал в пальцы и оставался под ногтями.

Мира открыла первую страницу.

На пожелтевшей бумаге не было ни заглавия, ни имени автора. Только несколько строк, написанных отцовским почерком:

«Есть дороги, что ведут сквозь леса, есть дороги, что лежат под землёй. Первые можно найти по следам. Вторые от-

крываются лишь тем, кто уже потерял дорогу домой».

Мира нахмурилась.

Перелистнула страницу.

Дальше шли рисунки деревьев. Их корни были изображены необычно: вместо того чтобы уходить в землю, они тянулись вверх, словно ветви, а кроны свисали вниз. Между рисунками встречались короткие записи на незнакомом языке.

Она узнала лишь несколько символов. Такие же знаки отец иногда чертил на полях своих тетрадей, но никогда не объяснял их значения.

Мира закрыла книгу.

Ей вдруг стало не по себе.

В доме что-то скрипнуло.

Она обернулась.

У двери никого не было. Только тень от лучины колыхалась на стене.

— Кто здесь?

Тишина.

Мира прислушалась. За окном шумел ветер, в печи потрескивали дрова. Обычные звуки обычного осеннего вечера.

И всё же ей показалось, что где-то далеко, за пределами дома, кто-то произнёс её имя.

Тихо.

Почти ласково.

— Мира…

Она резко подошла к окну и выглянула во двор.

Никого.

Только старые яблони, голые ветви которых качались под порывами ветра.

Мира отступила от окна и плотнее закрыла ставни.

В эту ночь она долго не могла уснуть.

На следующий день пришла Дарья.

Она принесла пирог с капустой, немного молока и старую корзину, которую Мира забыла у неё после похорон.

— Я подумала, что тебе пригодится, — сказала соседка, ставя всё на стол. — Да и одной сидеть невесело.

Мира поблагодарила её и предложила чаю.

Они сидели возле печи. Дарья рассказывала о деревенских делах, о том, что у кузнеца заболел младший сын, а на другом конце Берестья пропала коза. Мира слушала вполуха, изредка кивая.

— А ты, милая, что теперь думаешь делать? — спросила наконец Дарья.

— Не знаю.

— Отец ведь оставил тебе дом.

— Да.

— И сад.

— И сад.

Дарья помолчала, потом осторожно добавила:

— Только ты с землёй возле его могилы ничего не делай.

Мира подняла глаза.

— Почему?

Соседка отвела взгляд.

— Так он просил.

— Отец просил?

— Перед смертью. Сказал, чтобы никто не трогал землю над его могилой.

— Он говорил, зачем?

— Нет.

— Ты знала о его просьбе раньше?

Дарья долго смотрела в чашку.

— Знала.

— И почему никто мне не сказал?

— Потому что он сам запретил.

Мира почувствовала раздражение.

— Даже после смерти он продолжает распоряжаться моей жизнью. Что такого может случиться, если я посажу на его могиле дерево?

Дарья так резко поставила чашку на стол, что чай выплеснулся на блюдце.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что твой отец не шутил.

— Я и не собираюсь шутить.

— Мирослава, — старуха понизила голос, — Ратибор был человеком, который редко чего-то боялся. Но этой просьбы он держался крепче, чем за собственную жизнь.

Мира нахмурилась.

— Ты знаешь больше, чем говоришь.

— Знаю только то, что лучше оставить некоторые вещи в покое.

— Какие вещи?

Дарья поднялась, словно решила закончить разговор.

— Не всякое семя должно прорастать, девочка.

Она произнесла это так, будто повторяла давно заученные слова.

— Что это значит?

— Не знаю. Так твой отец говорил.

Соседка собрала пустую корзину, накинула платок и направилась к двери.

Уже на пороге она остановилась.

— И ещё. Если ночью услышишь, что тебя зовут из леса, не отвечай.

Мира почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Дарья, подожди…

Но старуха уже вышла.

Дверь закрылась.

Мира осталась стоять посреди комнаты, глядя на пустое место возле печи, где только что сидела соседка.

За окном медленно темнело.

К вечеру ветер стих.

Небо над Берестьем стало тяжёлым и низким, будто кто-то опустил на деревню серую крышу. В воздухе чувствовал-

ся запах снега, хотя до настоящих морозов оставалось ещё несколько недель.

Мира приготовила ужин, но почти не притронулась к еде.

Весь день её не отпускали слова Дарьи.

Не всякое семя должно прорастать.

Она пыталась убедить себя, что соседка просто суеверна. В Берестье хватало старых примет и странных запретов. Одни не выметали сор из избы после заката, другие не оставляли пустую колыбель возле окна, третьи не называли умерших по имени в первые сорок дней после похорон.

Но отец никогда не был суеверным.

Он знал травы, умел определять погоду по запаху земли и различал следы зверей даже на каменистой дороге. Он не боялся грозы, не обходил стороной старые деревья и никогда не рассказывал детям страшных историй о лесных духах.

Поэтому его просьба казалась особенно странной.

Мира решила, что утром сходит на могилу и сама посмотрит, что там не так.

Она убрала со стола, погасила лучину и легла спать.

Сон пришёл не сразу.

Сначала ей казалось, что она слышит, как кто-то ходит по сеням. Потом — будто за окном тихо поскрипывают ветви. А ближе к полуночи послышался звук, похожий на стук.

Тук.

Мира открыла глаза.

Тук.

Она села на кровати.

Звук доносился откуда-то снизу.

Тук. Тук.

Девушка прислушалась.

Может, мыши?

Но мыши не стучат так ровно.

Она накинула на плечи тёплую кофту, взяла лучину и вышла в сени. Дом спал в густой темноте. За дверью было тихо, а печь почти погасла.

Стук повторился.

Теперь Мира поняла, что он доносится не из дома.

Он шёл откуда-то снаружи.

Девушка подошла к окну, отодвинула занавеску и посмотрела во двор.

Сначала она ничего не увидела.

Потом заметила странное мерцание возле ворот.

Тонкая серебристая полоска света скользнула по земле и исчезла за старой яблоней.

Мира замерла.

Свет повторился.

Он был слишком ровным, слишком холодным для огня и слишком ярким для лунного отражения.

Она быстро оделась, взяла фонарь и вышла на крыльцо.

Ночной воздух ударил в лицо. Где-то вдалеке ухнула сова.

Мира спустилась со ступеней и направилась к яблоням.

Свет исчез.

Она остановилась возле самой старой яблони, обошла её вокруг и заметила на земле странный след. Будто кто-то провёл по траве тонкой серебряной нитью.

След тянулся к калитке.

К кладбищу.

Мира долго стояла, глядя в темноту.

Разум подсказывал ей вернуться домой. Но сердце уже билось так, словно знало, куда нужно идти.

Она закрыла калитку за собой и направилась к деревенской дороге.

Кладбище ночью выглядело иначе.

Днём оно было обычным местом, где люди приходили вспоминать ушедших. Ночью же старые кресты казались выше, деревья — темнее, а дорожки между могилами уходили в непроглядную глубину.

Мира шла медленно, стараясь не смотреть по сторонам.

Когда она подошла к могиле отца, то сразу увидела свет.

Серебряный росток стоял прямо посреди земли.

Он был совсем маленьким — не выше ладони, с тонким стеблем и двумя узкими листьями. Но светился так ярко, что вокруг него не оставалось тени. Его поверхность напоминала серебро, только живое, мягкое, будто под тонкой кожицей двигалась жидкость.

Мира остановилась в нескольких шагах.

— Что ты такое? — прошептала она.

Росток не шелохнулся.

Девушка приблизилась.

Земля вокруг него была покрыта инеем, хотя рядом трава оставалась влажной. Мира присела на корточки и осторожно коснулась одного из листьев.

В тот же миг по пальцам пробежал холод.

Она отдёрнула руку.

На коже остался тонкий серебристый след.

— Нет…

Мира вытерла пальцы о юбку, но след не исчез.

Она посмотрела на росток внимательнее.

В его основании виднелась небольшая трещина в земле. Из неё исходил слабый свет, похожий на отражение луны в глубокой воде.

Девушка вспомнила слова отца.

Никогда не сажай дерево на моей могиле. И не позволяй ничему расти там по собственной воле.

Тогда она не поняла, почему он сказал именно так.

Теперь ей стало страшно.

Мира отступила.

Росток дрогнул.

Один серебряный лист медленно повернулся в её сторону.

— Не подходи, — произнесла девушка, сама не понимая, кому адресованы эти слова.

Ветер стих.

Даже ночные птицы замолчали.

И тогда из-под земли раздался голос.

— Мирослава…

Она застыла.

Голос был глухим, будто доносился издалека, сквозь толщу камня и воды.

Но Мира узнала его сразу.

Так говорил отец, когда звал её из сада.

Так произносил её имя, когда она в детстве просыпалась после страшного сна.

Так звучал его голос в последние дни, когда он уже почти не мог говорить.

— Папа?..

Земля под ногами едва заметно вздрогнула.

Росток вытянулся.

Его тонкий стебель стал толще, листья раскрылись, а из основания показались новые побеги. Они быстро уходили в землю, словно корни искали что-то глубоко внизу.

Мира отступила ещё на шаг.

— Кто здесь?

Вместо ответа раздался тихий треск.

Потом ещё один.

Земля вокруг могилы начала расходиться тонкими линиями. Не проваливаться, не осыпаться, а именно раскрываться — словно кто-то осторожно раздвигал её изнутри.

Мира хотела бежать.

Но ноги будто приросли к земле.

Серебряный росток поднялся выше, превратился в тон-

кий ствол, а его ветви потянулись в стороны. Они переплетались, изгибались, соединялись друг с другом и уходили вниз, в тёмную расселину, появившуюся посреди могилы.

Мира увидела ступени.

Сначала одну.

Потом вторую.

Третью.

Они были сделаны из переплетённых корней, гладких и блестящих, словно отполированных водой. Лестница уходила вниз, туда, где не было видно ни камней, ни земли, ни конца.

Из глубины потянуло холодом.

Не зимним, не обычным. Это был запах сырой коры, старой воды и чего-то давно забытого.

Мира отступила к соседнему кресту.

— Что происходит?..

На самой верхней ступени что-то блеснуло.

Она наклонилась и увидела небольшой предмет.

Медный перстень.

Мира узнала его сразу.

Ратибор носил его на правой руке столько, сколько она себя помнила. Перстень был старым, с тёмным камнем посередине. Отец никогда не снимал его, даже когда тяжело болел.

Теперь он лежал на корневой ступени, будто кто-то оставил его специально для неё.

Мира осторожно подняла перстень.

Камень оказался тёплым.

Она сжала его в ладони.

В глубине лестницы что-то зашевелилось.

И снова прозвучал голос.

На этот раз он был отчётливее.

— Ты опоздала, дитя.

Мира почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Папа?

Ответа не последовало.

Вместо него из темноты донёсся тихий шорох, будто множество сухих листьев одновременно повернулись на невидимом ветру.

Мира посмотрела на лестницу.

Ступени уходили всё глубже, а серебряные корни вдоль стен пещеры медленно светились, словно в них текла лунная кровь.

Она могла развернуться и уйти.

Могла позвать Дарью, разбудить всю деревню, привести сюда священника или старосту. Могла сделать вид, что ничего не видела.

Но тогда ей пришлось бы всю оставшуюся жизнь помнить, что отец оставил ей последнюю тайну и она испугалась даже посмотреть на неё.

Мира опустила взгляд на перстень.

— Что ты хотел мне сказать? — прошептала она.

Из глубины пришёл ответ.

— Не верь первой встрече. Не верь последнему слову. И никогда не называй своего имени тем, кто попросит его у тебя.

Девушка медленно подняла голову.

— Кто ты?

Тишина.

Потом голос произнёс:

— Тот, кто помнит твоего отца.

И серебряный свет на мгновение погас.

Мира осталась стоять над открытой лестницей, сжимая в ладони отцовский перстень.

За её спиной поднялся ветер.

Он прошёл по кладбищу, задел сухие ветви деревьев и заставил деревянные кресты тихо поскрипывать. Где-то далеко, в сторону Берестья, протяжно залаяла собака.

А из-под земли донёсся ещё один звук.

Три коротких удара.

Точно такие же, какие Мира слышала ночью в доме.

Тук.

Тук.

Тук.

Она посмотрела вниз.

На последней видимой ступени лежал маленький зелёный лист. Совсем обычный, живой, не серебряный. Он не должен был расти так глубоко под землёй, в холодной темноте.

Мира подняла ногу и поставила её на первую ступень.

Корень под подошвой мягко прогнулся.

В ту же секунду серебряное дерево за её спиной распустило ещё одну ветвь.

И где-то далеко, под толщей земли, что-то огромное открыло глаза.

Мирослава сделала первый шаг вниз.

Она ещё не знала, что возвращение домой станет самым трудным испытанием в её жизни.

Не знала, что имя её отца произносят в подземном царстве с почтением и страхом.

И уж тем более не знала, что человек, которого она встретит там, однажды добровольно отказался от всего человеческого ради обещания, данного Ратибору.

Пока она знала только одно: лестница ждала её.

А за спиной медленно закрывалась земля.

Глава 2. Лестница из корней

Первое, что почувствовала Мирослава, ступив на вторую ступень, — запах сырой земли.

Он был густым, тяжёлым, словно девушка оказалась внутри старого лесного пня, который пролежал под дождями не одно столетие. К нему примешивался аромат мха, прелых листьев и чего-то сладковатого, напоминающего цветущую липу.

Она обернулась.

Над ней ещё виднелся край могилы. Небольшой клочок

ночного неба казался далёким и холодным. Серебряные ветви дерева медленно шевелились, хотя ветра здесь не было.

Мира крепче сжала медный перстень отца.

— Если это сон, то весьма дурной, — пробормотала она.

Собственный голос прозвучал непривычно тихо. Слова не разлетелись по пространству, а словно осели на корнях, окружавших лестницу.

Девушка сделала ещё шаг.

Ступень под ногой оказалась тёплой.

Она остановилась и осторожно присела, чтобы рассмотреть её. Корень был покрыт тонкими серебряными прожилками. Они пульсировали едва заметным светом, будто внутри дерева билось сердце.

Мира коснулась поверхности кончиками пальцев.

В голове мгновенно вспыхнуло чужое воспоминание.

Она увидела летний день, солнечную поляну и маленького мальчика, который бежал босиком по траве. За ним гналась женщина в светлом платье. Мальчик смеялся, а женщина звала его по имени.

Потом картина исчезла.

Мира резко отдёрнула руку.

— Что за…

Она посмотрела на свои пальцы. Никаких изменений. Только серебряный след, оставшийся после прикосновения к ростку на могиле.

«Корни помнят», — вспомнились ей слова из отцовской

книги.

Тогда эта фраза показалась ей красивой загадкой. Теперь она начинала подозревать, что отец писал её совершенно буквально.

Мира продолжила спуск.

Лестница становилась всё уже. Иногда ступени уходили под странным углом, иногда переплетались с корнями, образуя арки. В некоторых местах они светились ярче, в других почти растворялись во тьме.

Девушка старалась не смотреть вниз слишком долго.

Через некоторое время она заметила, что не чувствует холода. Наоборот, воздух становился теплее, а дыхание — легче. Где-то впереди слышалось журчание воды.

Она спускалась уже, должно быть, не меньше часа, хотя времени здесь нельзя было доверять. Свет наверху давно исчез, но усталости почти не было.

Внезапно лестница оборвалась.

Перед Мирой открылось небольшое пространство, похожее на пещеру. Стены были покрыты мхом, а с потолка свисали длинные корни. Между камнями пробивались крошечные белые цветы, похожие на звёзды.

Посреди пещеры стоял старый колодец.

Он был сложен из чёрного камня, а по его краю шли незнакомые знаки. Вода внутри не отражала свет, хотя на поверхности мерцали маленькие серебряные точки.

Мира подошла ближе.

— Не вздумай пить.

Голос раздался прямо за её спиной.

Девушка обернулась так резко, что едва не поскользнулась.

На большом корне сидело маленькое существо.

Сначала Мира решила, что перед ней зверёк. Нечто размером с крупного кота, покрытое мхом, сухими листьями и тонкими корешками. Но у существа были длинные руки, короткие ноги и круглое лицо с большими янтарными глазами.

На голове торчал небольшой пучок травы, а из-за плеча выглядывала веточка с двумя зелёными листьями.

Существо разглядывало Миру с таким видом, словно именно она была здесь самым странным созданием.

— Ты кто? — спросила девушка.

— А ты?

— Я первая спросила.

— А я первый ответил, что не вздумай пить. Значит, мы в расчёте.

Существо довольно улыбнулось, обнажив два ряда мелких неровных зубов.

Мира невольно отступила.

— Ты говоришь.

— А ты, стало быть, умеешь удивляться. Прекрасно. Значит, ещё не совсем испорчена.

— Я спросила, кто ты.

— А я не спрашивал, кто ты. Но уже знаю.

Маленькое существо спрыгнуло с корня и ловко приземлилось на камни. Его ноги были похожи на переплетённые древесные корешки, а пальцы заканчивались маленькими коготками.

Оно обошло Миру кругом, принюхалось и вдруг довольно хмыкнуло.

— Пахнешь верхней землёй. Дымом, яблоками и человеческим страхом. А ещё…

Оно приблизило нос к её руке.

— Серебром.

Мира спрятала ладонь за спину.

— Что тебе нужно?

— Мне? Ничего. Пока.

— Тогда я пойду.

— Куда?

— Дальше.

— Дальше — это куда?

Мира не ответила.

Существо захихикало.

— Вот именно. Человеческие дети всегда такие. Сначала идут куда глаза глядят, потом удивляются, что глаза завели их в неприятности.

— Я не ребёнок.

— По вашим меркам, возможно. По нашим — совсем ещё зелёная веточка.

Мира нахмурилась.

— Как тебя зовут?

Существо расправило плечи.

— Крошник.

— Это имя?

— Разумеется. А что, похож на кого-то другого?

— Не знаю. Ты похож на комок мха, который научился разговаривать.

Крошник обиженно прижал руки к груди.

— Невоспитанность! Я, между прочим, существо древнего корневого рода. Мой дед знал тринадцать тайных троп, а прадед однажды обманул самого каменного стража.

— И что с ним стало?

— Страж его съел.

— Тогда не очень удачно обманул.

Крошник несколько мгновений смотрел на неё, а потом неожиданно расхохотался.

— Нравишься ты мне, девочка.

— Мирослава.

Смех оборвался.

Янтарные глаза Крошника сузились.

— Не надо было.

— Чего?

— Имя говорить.

— Почему?

— Здесь имена не любят, когда их произносят без нужды.

Мира почувствовала, как холодеют пальцы.

Она вспомнила предупреждение, прозвучавшее на лестнице.

Никогда не называй своего имени тем, кто попросит его у тебя.

Но Крошник не просил. Она назвала его сама.

— Ты ведь уже знаешь, кто я, — тихо произнесла она.

Существо перестало улыбаться.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что ты пахнешь его кровью.

— Чьей?

Крошник посмотрел на медный перстень в её руке.

— Ратибора.

Мира почувствовала, будто земля ушла из-под ног.

— Ты знал моего отца?

— Знал. Не очень хорошо. Он был человеком молчаливым. Такие обычно либо много знают, либо много скрывают. А твой, кажется, делал и то и другое.

— Где он сейчас?

Крошник отвернулся.

— Там, где ему положено быть.

— Что это значит?

— Значит, что мёртвые не всегда находятся там, где их ищут живые.

Мира шагнула к нему.

— Ты можешь показать мне дорогу к нему?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу.

— Я заплачу.

Крошник оживился.

— Чем?

Мира растерялась.

— У меня нет ничего ценного.

— Есть.

Существо указало на медный перстень.

— Это не продаётся.

— Я и не просил продать. Пока.

— Тогда чего ты хочешь?

Крошник задумался, постучал коготком по подбородку и посмотрел на девушку с нескрываемым любопытством.

— Расскажи, как пахнет дождь наверху.

Мира моргнула.

— Что?

— Дождь. Обычный дождь. Не тот, что падает с каменных сводов, а настоящий. С неба.

— Ты не знаешь?

— Я давно не поднимался к поверхности.

В его голосе мелькнуло что-то похожее на грусть. Всего на мгновение, но Мира успела заметить.

Она присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Дождь пахнет мокрой землёй, травой и листьями. Иногда дымом, если кто-то топит печь. А после долгой жары пахнет так, будто весь мир наконец-то может вздохнуть.

Крошник слушал не перебивая.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Это принимается.

— Значит, ты покажешь мне дорогу?

— До первой развилки.

— А дальше?

— А дальше посмотрим, насколько ты мне понравишься.

Крошник ловко забрался на ближайший корень и махнул рукой.

— Идём. Только от колодца держись подальше.

Мира ещё раз взглянула на тёмную воду.

— Что в нём?

— То, что осталось от тех, кто слишком хотел узнать своё будущее.

— А если я загляну?

— Увидишь то, чего не сможешь забыть.

Крошник помолчал и добавил:

— А может, наоборот. Забудешь то, что не следовало забывать.

Мира отвернулась от колодца.

Они пошли по узкому проходу, который постепенно расширялся. Крошник двигался быстро, почти бесшумно, иногда исчезая за выступами камней. Приходилось торопиться,

чтобы не потерять его из виду.

— Ты давно живёшь здесь? — спросила Мира.

— Достаточно.

— Это сколько?

— Не люблю считать.

— Почему?

— Потому что однажды посчитал. Не понравилось.

— А сколько тебе лет?

— Столько, сколько нужно.

Мира вздохнула.

— Ты всегда отвечаешь загадками?

— Только когда меня спрашивают.

— А если не спрашивать?

— Тогда я рассказываю сам. Обычно всякую чепуху.

Девушка невольно улыбнулась.

Несмотря на странность происходящего, рядом с Крошником становилось немного спокойнее. Он был неприятно хитрым, слишком много знал и явно что-то скрывал, но не казался опасным.

По крайней мере, пока.

Они вышли к небольшому подземному ручью. Вода текла по камням, светясь тусклым голубоватым светом. Над ней висели тонкие серебряные нити, похожие на паутину.

Крошник остановился.

— Здесь передохнём.

Мира опустилась на камень и впервые за долгое время по-

чувствовала усталость. Ноги ныли, в горле пересохло.

Она достала из сумки маленькую флягу с водой.

— Не пей это, — снова предупредил Крошник, заметив, что она смотрит на ручей.

— Я и не собиралась.

— Хорошо. А то тут вода не простая.

— Что с ней?

— Помнит всех, кто в ней отражался.

— И что?

— Иногда она показывает отражение того, кем ты был. Иногда — того, кем станешь.

Мира посмотрела на ручей.

Вода была прозрачной, но дна не было видно. На поверхности отражались корни и каменные своды. Девушка заметила своё лицо, бледное от усталости, с тёмными прядями волос, выбившимися из косы.

Но отражение улыбалось.

Мира не улыбалась.

Она резко отвернулась.

— Пойдём.

Крошник ничего не сказал. Только посмотрел на воду, затем на неё.

— Уже видела?

— Что?

— Ничего. Забудь.

Он поднялся и двинулся дальше.

Путь вывел их в широкую пещеру, где росли деревья.

Мира остановилась, поражённая увиденным.

Деревья были высокими, с толстыми стволами и тёмной корой. Но росли они не так, как должны были. Их корни тянулись вверх, к невидимому потолку, а ветви опускались вниз, словно кроны искали подземную землю.

Между стволами висели маленькие светящиеся плоды. Они мерцали мягким золотистым светом, похожим на свет далёких свечей.

В воздухе слышалось тихое пение.

Не человеческое и не птичье. Скорее, множество голосов шептали одновременно, складываясь в мелодию, от которой щемило сердце.

— Красиво, — прошептала Мира.

— Не трогай плоды.

Крошник произнёс это так резко, что девушка вздрогнула.

— Почему?

— Потому что это не плоды.

— А что?

— Воспоминания.

Мира присмотрелась.

В одном из золотистых шаров ей почудилось знакомое лицо. Женщина с тёмными волосами сидела на деревянном крыльце и качала на руках младенца.

Мира сделала шаг вперёд.

— Это…

— Не надо.

Крошник схватил её за край рукава.

— Не смотри слишком долго.

— Там женщина.

— Их здесь много.

— Она похожа на мою мать.

Крошник замер.

— Твоя мать тоже была в Нижедолье?

— Нет. Она умерла, когда я была маленькой.

Существо отпустило её рукав.

— Тогда, возможно, это просто воспоминание кого-то другого.

Но Мира заметила, что Крошник сказал это слишком быстро.

Она хотела расспросить его, однако в глубине пещеры раздался глухой удар.

Затем ещё один.

Деревья дрогнули.

Светящиеся плоды одновременно погасли.

Крошник побледнел — если его мшистую кожу вообще можно было назвать бледной.

— Плохо.

— Что случилось?

— Нас заметили.

— Кто?

Вместо ответа он схватил Миру за руку и потянул к узкому проходу между деревьями.

— Быстрее!

Они побежали.

Позади послышался треск. Что-то тяжёлое двигалось между стволами, ломая тонкие ветви. Мира обернулась и увидела высокую фигуру, покрытую чёрной корой.

У неё не было лица.

Только глубокая тёмная впадина там, где должны были находиться глаза.

Из её рук тянулись длинные корни, цеплявшиеся за землю.

— Что это?! — выкрикнула Мира.

— Не смотри на неё!

— Почему?!

— Потому что она запомнит твоё лицо!

Существо издало звук, похожий на скрежет дерева о камень.

Крошник протащил Миру через узкий проход. Они выскочили на каменную площадку и прижались к стене.

— Тихо, — прошептал он.

Мира закрыла рот ладонью.

За проходом слышались тяжёлые шаги. Чёрная фигура двигалась медленно, будто искала след.

Один из корней просунулся между камнями.

Он задел край Мириной юбки.

Девушка едва сдержала крик.

Крошник поднял руку и что-то прошептал на незнакомом языке. Камни вокруг них слабо засветились. Корень замер, будто наткнулся на невидимую преграду.

Затем медленно втянулся обратно.

Шаги удалились.

Крошник опустил руку.

— Ушло.

Мира тяжело дышала.

— Что это было?

— Остаток старого договора.

— Оно хотело меня убить?

— Нет.

Крошник посмотрел на неё.

— Оно хотело тебя забрать.

— Куда?

— Туда, откуда никто не возвращается.

Мира прислонилась к холодной стене.

— Почему оно напало на меня?

— Потому что ты дочь Ратибора.

— Ты уже говорил.

— А ты, кажется, не понимаешь.

Крошник подошёл ближе. Его янтарные глаза стали серьёзными.

— В Нижедолье давно не появлялись дети хранителей.

Последний, кто спускался сюда из вашего мира, был твой отец. И с тех пор многое изменилось.

— Что именно?

— Чернава ждёт тебя.

Мира нахмурилась.

— Ты говорил, что она владычица нижних корней.

— Так и есть.

— Зачем ей я?

Крошник отвёл взгляд.

— Этого я не знаю.

— Но ты что-то скрываешь.

— Разумеется. Я же не дурак.

Мира хотела возмутиться, но не успела.

Из дальнего конца пещеры донёсся звук колокола.

Один удар.

Затем второй.

Третий.

Крошник резко повернул голову.

— Нет, — прошептал он.

— Что?

— Ворота открыли.

— Какие ворота?

Он схватил её за руку.

— Те, через которые никто не проходит без разрешения Чернавы.

Мира посмотрела в сторону звука.

Вдалеке между каменными стенами появилось слабое красное свечение.

Крошник побледнел ещё сильнее.

— Нас ищут.

Они двигались быстро, почти не разговаривая.

Крошник вывел Миру из пещеры через узкий проход, скрытый за водопадом. Вода падала вверх — от пола к потолку, образуя прозрачную завесу.

Мира невольно остановилась.

— Как это возможно?

— Здесь многое возможно. Привыкай.

За водопадом обнаружилась небольшая площадка. С неё открывался вид на огромную подземную долину.

Мира забыла о страхе.

Перед ней простирался целый мир.

Внизу текла широкая река, чьи воды светились бледным серебром. Над ней поднимались каменные мосты, соединявшие высокие уступы. Вдалеке виднелись башни, построенные из тёмного дерева и чёрного камня. Их окна мерцали зелёными огнями.

А ещё дальше, за горами, возвышался огромный дворец.

Он словно вырос из земли. Его башни были переплетены корнями, а стены покрыты живой корой. Над самой высокой башней медленно вращался светящийся круг, напоминающий луну.

Мира смотрела на него, не в силах произнести ни слова.

— Это Нижедолье, — тихо сказал Крошник. — То место, куда не ведут человеческие дороги.

— И здесь живут… такие, как ты?

— Разные. Кто-то похож на тебя. Кто-то на меня. А кто-то лучше бы вообще не появлялся на свет.

— А люди?

Крошник пожал плечами.

— Люди здесь бывают. Но редко.

— Почему?

— Потому что Нижедолье не любит, когда живые приходят без приглашения.

Мира посмотрела на дворец.

— Там Чернава?

— Там её чертоги.

— Значит, мы пойдём туда?

— Не сегодня.

— Почему?

Крошник указал на дальнюю часть долины.

По каменной дороге двигались несколько фигур. Их одежды были тёмными, а на лицах блестели серебряные маски.

Они несли длинные посохи, увенчанные чёрными камнями.

— Стражи корней, — прошептал Крошник. — Если они увидят тебя, сразу отведут во дворец.

— Но разве это плохо?

— Я не знаю, что Чернава хочет от тебя. А незнание — единственное, что иногда спасает жизнь.

Мира снова посмотрела на дворец.

Ей казалось, что оттуда кто-то наблюдает за ней.

Она не видела лица, но чувствовала взгляд.

— Крошник, — тихо сказала она. — Ты обещал показать мне дорогу к отцу.

Существо опустило голову.

— Я обещал провести тебя до первой развилки.

— Значит, дальше ты меня бросишь?

— Нет.

Он помолчал.

— Просто дальше придётся идти туда, где я сам боюсь появляться.

Мира посмотрела на него внимательнее.

— Ты боишься Чернавы?

Крошник нервно усмехнулся.

— Я боюсь многих вещей. Например, голодных камней, злых грибов и тех, кто слишком часто задаёт вопросы.

— А Чернавы?

Он не ответил.

Мира поняла, что это и был ответ.

В этот момент перстень отца в её ладони нагрелся.

Девушка разжала пальцы.

Медный камень светился изнутри. На его поверхности проступил тонкий знак, похожий на переплетённые корни.

Крошник увидел его и отшатнулся.

— Где ты это взяла?

— Это принадлежало отцу.

— Дай посмотреть.

Мира протянула руку.

Крошник осторожно коснулся перстня одним пальцем, но тут же отдёрнул его.

— Корневой знак…

— Что он означает?

Существо смотрело на перстень так, словно перед ним лежала не старая вещь, а живая змея.

— Знак хранителя.

— Но ты говорил, что мой отец был хранителем.

— Был.

— А теперь?

Крошник медленно поднял глаза.

— Теперь знак выбрал тебя.

Мира почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Нет. Я ничего не выбирала.

— Здесь не всегда спрашивают.

— Тогда я откажусь.

Крошник покачал головой.

— От корней нельзя отказаться, если они уже знают твою кровь.

Мира хотела ответить, но в этот момент над долиной раздался протяжный звук.

Не колокол.

Не рог.

Скорее, голос огромного дерева, которое скрипит под тяжестью веков.

Весь Нижний мир на мгновение замер.

В реке погас серебряный свет. Башни дворца озарились холодным сиянием, а где-то далеко между горами вспыхнула тонкая белая линия.

Крошник опустился на колени.

— Что ты делаешь? — испуганно спросила Мира.

— Молчу.

— Зачем?

Он поднял голову и прошептал:

— Потому что древние корни проснулись.

В этот миг перстень на руке Миры вспыхнул.

И девушка услышала голос отца.

Не из-под земли. Не издалека.

Он прозвучал прямо внутри её головы.

«Прости меня, Мира. Я хотел, чтобы ты никогда не узнала этой дороги».

Она закрыла глаза.

— Папа…

«Если ты слышишь меня, значит, серебряное дерево уже пустило корни».

Мира сжала перстень так сильно, что металл больно впился в ладонь.

«Найди того, кто потерял своё имя. Он знает, как спасти тебя».

Голос оборвался.

Сияние перстня погасло.

Мира медленно открыла глаза.

— Кто потерял своё имя? — спросила она.

Крошник смотрел на неё с выражением, которого девушка прежде не замечала. В его взгляде смешались страх и жалость.

— Неужели он не сказал?

— Кто?

Существо отвело взгляд в сторону дворца.

— Яромир.

Мира повторила незнакомое имя про себя.

Яромир.

Оно почему-то показалось ей знакомым, хотя она была уверена, что никогда прежде его не слышала.

— Где его найти?

Крошник долго молчал.

Потом указал на узкую дорогу, уходящую вдоль реки.

— Если он ещё не ушёл к Чёрной меже, то, возможно, в старом доме у Каменных ворот.

— Ты пойдёшь со мной?

Крошник вздохнул.

— Похоже, выбора у меня нет.

— Почему?

— Потому что твой отец однажды спас мне жизнь. А я, в отличие от некоторых, умею помнить долги.

Он поправил веточку на голове, подтянул к себе маленькую сумку из сухих листьев и направился к тропе.

Мира последовала за ним.

Позади, далеко внизу, серебряное дерево продолжало расти.

Его корни проникали всё глубже в землю, а ветви тянулись к невидимому небу.

И впервые за много веков Нижедолье почувствовало, что граница между мирами больше не принадлежит ему одному.

Глава 3. Там, где нет солнца

Серебряное дерево осталось позади, но его свет ещё долго не исчезал из глаз Мирославы.

Даже когда долина скрылась за изгибом каменного склона, девушка продолжала видеть перед собой тонкое сияние, будто оно отпечаталось на внутренней стороне век. Впервые за всё время спуска она почувствовала не только страх, но и странное притяжение. Дерево было огромным, древним и совершенно чужим, однако в его серебряном блеске чудилось что-то знакомое. Как будто она уже однажды стояла под его ветвями, только была тогда слишком мала, чтобы запомнить.

— Не оглядывайся, — проворчал Крошник.

Он семенил впереди, перебирая короткими ногами по уз-

кой тропе. Мох на его спине колыхался при каждом шаге, а из спутанных корней, заменявших ему волосы, торчал сухой лист.

— Почему? — спросила Мира.

— Потому что любопытство — это хорошо, пока оно не начинает любоваться тобой в ответ.

— Что это значит?

— Значит, иди.

Крошник не любил объяснять то, что считал очевидным. Особенно если объяснение могло заставить его признаться, что он чего-то боится.

Мира поправила плащ и ускорила шаг. Тропа уходила вниз, огибая выступы тёмного камня. Здесь уже не было той безмолвной пещеры, в которой они встретили существо из чёрной коры. Нижедолье шумело вокруг них. Где-то далеко перекликались невидимые птицы, журчали ручьи, стучали молотки, а иногда доносился протяжный гул, похожий на пение множества голосов.

— Здесь живут люди? — спросила Мира.

— Некоторые.

— А остальные?

— Не люди.

— Это я уже поняла.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Мира остановилась и посмотрела на него.

— Крошник.

Существо вздохнуло так тяжело, словно на его плечи взвалили целую гору.

— Ладно. Здесь живут те, кто никогда не видел солнца, те, кто однажды его потерял, и те, кому оно больше не нужно. Есть корневые жители, есть каменные, есть речные. Есть те, кто пришёл сюда после смерти, но не сумел найти дорогу дальше. Есть и такие, кто родился здесь и считает верхний мир сказкой.

— А ты к кому относишься?

— К тем, кто не любит отвечать на личные вопросы.

— Удобная принадлежность.

— Самая безопасная.

Он снова двинулся вперёд.

Вскоре тропа вывела их на широкий уступ. Перед Мирой открылся город.

Она невольно задержала дыхание.

Нижедолье оказалось куда обширнее, чем можно было представить по первым пещерам и узким проходам. Над огромной впадиной поднимался свод, уходивший так высоко, что терялся в темноте. В нём мерцали тысячи светлых точек — не звёзды, но похожие на них крошечные огни. Они плавали среди каменных наплывов, цеплялись за корни, переливались холодным голубым и зеленоватым светом.

По склонам долины росли деревья, но росли они неправильно: их кроны тянулись вниз, к земле, а корни уходили вверх, в невидимое небо. На ветвях висели прозрачные пло-

ды, внутри которых двигались золотистые искры. Некоторые деревья были совсем маленькими, не выше человеческого колена, другие достигали свода и переплетались там ветвями, образуя целые мосты.

Между ними стояли дома.

Одни были вырезаны прямо в камне, другие держались на корнях, третьи напоминали огромные грибы с окнами из янтаря. По узким улицам двигались фигуры: высокие, низкие, прозрачные, покрытые корой или серой шерстью. Кто-то нёс корзины с мерцающими камнями, кто-то толкал тележку, наполненную сухими листьями. У одного дома женщина с длинными серебряными волосами развешивала на верёвке маленькие колокольчики, а рядом мальчик с глазами цвета речной воды запускал в воздух бумажную птицу.

Птица взлетела, но вместо того чтобы упасть, исчезла в каменном своде.

Мира смотрела на всё это, забыв о страхе.

— Здесь есть рынки? — спросила она.

— Есть.

— Мастерские?

— Есть.

— Дети?

Крошник покосился на неё.

— Иногда.

— А солнце?

— Нет.

— Никогда?

— Иногда приходит его память. Но это не одно и то же.

Он указал на дальнюю часть долины. Там, за городскими крышами, поднимались чёрные башни. Они стояли на склоне, словно зубы огромного зверя, и соединялись между собой тонкими мостами. За ними виднелась река, серебристая и неподвижная на вид. Она пересекала Нижедолье, огибала город и исчезала в расщелине, откуда исходило слабое белое сияние.

— А это?

— Река Забвения.

— Мы пойдём туда?

— Если у тебя появится желание забыть, кто ты такая.

— Не появится.

Крошник посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Здесь желания редко спрашивают, прежде чем исполниться.

Мира хотела ответить, но внизу раздался звон.

Он был негромким, однако прокатился по всей долине. Один удар, затем второй, третий. На улицах фигуры остановились. Женщина с колокольчиками опустила руки. Мальчик спрятал бумажную птицу за спину. Даже светящиеся точки под сводом на мгновение погасли.

— Что это? — прошептала Мира.

Крошник резко втянул голову в плечи.

— Каменные ворота.

— Но мы ещё не дошли.

— Они не для нас звонят.

Вдали, у подножия чёрных башен, начали двигаться тени. Они отделились от стен и пошли по мостам, не касаясь их ногами.

— Кто это?

— Стражи Чернавы.

— Они охраняют город?

— Они следят, чтобы город не забывал, кому принадлежит.

Крошник схватил Миру за рукав и потянул в сторону узкого прохода между камнями.

— Нам нужно идти.

— Но мы ведь направляемся к воротам.

— Именно поэтому нужно идти быстрее.

Они спустились по тропе, которая петляла между деревьями и каменными выступами. Мира старалась не отставать. С каждым шагом шум города становился отчётливее. Теперь она слышала голоса, скрип повозок, звон посуды, чей-то смех. Нижедолье было населено, оно жило, торговало, спорило, растило детей и хоронило своих умерших.

И всё же за этой жизнью чувствовалось что-то тревожное.

Люди здесь редко смотрели друг другу в глаза. На дверях домов висели связки сухих корней, а у каждого перекрёстка стояли небольшие каменные столбы с вырезанными на них именами. Некоторые имена были аккуратно перечёркнуты.

Другие кто-то пытался соскоблить.

Мира остановилась возле одного такого столба.

— Почему их стирают?

Крошник обернулся.

— Не трогай.

— Я только смотрю.

— Смотреть тоже можно слишком долго.

Но Мира уже прочитала несколько имён. Одно из них показалось ей знакомым. Она не успела понять почему: буквы начали расплываться, будто их смазывала невидимая рука.

— Что происходит?

— Имена здесь не любят чужих глаз.

Крошник схватил её за ладонь и отвёл от столба.

— Запомни, Мира: если кто-то спросит, как тебя зовут, не отвечай. Если предложат назвать тебя по-другому — откажись. Если услышишь своё имя из темноты, не оборачивайся.

— Ты уже говорил.

— Значит, повторю ещё раз. Может быть, хоть однажды ты послушаешь.

— А если я сама захочу узнать имя того, кто спрашивает?

Крошник остановился.

— Тогда сначала спроси себя, зачем ему понадобилось твоё.

Мира посмотрела на него внимательнее.

— Ты знаешь, что здесь произошло с именами?

Существо отвернулось.

— Знаю достаточно.

— А с Яромиром?

При этом имени Крошник заметно помрачнел.

— Я же сказал, что он потерял своё имя.

— Но как?

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что стены слушают.

Мира огляделась. Они находились на пустынной улице, между домами с тёмными окнами. На ближайшей стене росли тонкие корешки, похожие на волосы. Они едва заметно шевелились.

— Ты серьёзно?

— В Нижедолье стены редко бывают просто стенами.

Крошник потянул её дальше.

Каменные ворота показались за поворотом. Они были высечены в скале и представляли собой две огромные створки из тёмного камня. На их поверхности виднелись изображения переплетённых деревьев, а между ними — человеческая фигура без лица. По обе стороны ворот стояли статуи зверей с длинными рогами. Их каменные морды были обращены к дороге, а глаза светились тусклым янтарём.

Перед воротами лежала небольшая площадь. Здесь почти не было прохожих. Лишь у стены сидел старик в сером плаще, перебирая чётки из деревянных бусин. Каждая бусина

была вырезана в форме крошечного человеческого лица.

— Нам туда? — спросила Мира.

— За ворота.

— А Яромир там?

— Возможно.

— Ты не уверен?

— Яромир не из тех, кого можно найти, когда захочешь.

— Ты ведь говорил, что он живёт в старом доме у Каменных ворот.

— Я говорил, что он может там быть.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Только когда не хочу, чтобы меня потом винили в чужих неприятностях.

Мира хотела возразить, но старик поднял голову.

— Дочь хранителя, — произнёс он.

Его голос был сухим, словно листья, пролежавшие зиму под снегом.

Крошник мгновенно спрятался за Мирославину спину.

— Мы просто проходим, — быстро сказал он.

— Никто здесь не проходит просто так.

Старик поднялся. Его чётки тихо звякнули.

— Давно не ступала человеческая нога на эту дорогу.

— Я не знала, что она запрещена, — ответила Мира.

— Запреты редко предупреждают тех, кто их нарушает.

Он протянул к ней руку. На ладони лежала маленькая костяная пластинка с вырезанным знаком, похожим на раскры-

тый глаз.

— Покажи перстень.

Мира невольно сжала руку в кармане.

— Зачем?

— Чтобы понять, кто ты.

— Я знаю, кто я.

Старик усмехнулся.

— Пока ещё.

Крошник тихонько потянул её за плащ.

— Не надо, — прошептал он.

Но старик уже сделал шаг вперёд. Янтарные глаза статуй за его спиной вспыхнули.

— Ратибор должен был привести тебя сам, — сказал он. — Или хотя бы не позволить тебе прийти.

Мира почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы знали моего отца?

— Я знал его имя.

— Что с ним произошло?

— То, что происходит со всеми, кто пытается удержать два мира одной рукой.

Старик поднял костяную пластинку.

— Дай перстень.

Мира отступила.

— Нет.

Тогда он произнёс её имя.

Не громко. Не угрожающе. Даже почти ласково.

— Мирослава.

В тот же миг корни, росшие между камнями площади, пришли в движение.

Они потянулись к её ногам, обвились вокруг сапог и резко дёрнули вниз. Мира вскрикнула, потеряла равновесие и упала на колени. Из-под земли поднялся холодный ветер. Он пах сырой корой и чем-то давно умершим.

Крошник бросился на старика, вцепившись ему в плащ.

— Не смей! Не смей произносить её имя!

Но старик не обратил на него внимания.

— Мирослава, дочь Ратибора, наследница незавершённого договора…

Корни поднялись выше. Один обвился вокруг запястья девушки, другой потянулся к её горлу.

Мира попыталась вырваться, но земля держала крепко.

И тогда перстень Ратибора вспыхнул.

Свет был ослепительно белым. Корни на мгновение замерли, словно узнали этот знак. Мира почувствовала, как под кожей ладони пробежало тепло.

— Отпусти её.

Голос раздался за спиной старика.

Низкий, спокойный, с едва заметной хрипотцой.

Корни разом отпрянули.

Старик медленно обернулся.

На краю площади стоял мужчина.

Он был высок, худощав, одет в тёмный дорожный кафтан,

перехваченный широким поясом. На плечах лежал короткий плащ, сшитый из ткани цвета мокрого камня. Тёмные волосы доходили почти до воротника, несколько прядей серебрились у висков. Лицо казалось молодым, но взгляд принадлежал человеку, который видел слишком много зим.

На его шее темнела тонкая полоса корневого узора. Она уходила под ворот одежды и исчезала где-то у ключицы.

Мужчина держал в руке короткий нож с рукоятью из светлого дерева.

— Ты не имеешь права вмешиваться, — произнёс старик.

— И всё же вмешиваюсь.

— Девушка принадлежит договору.

— Девушка никому не принадлежит.

Мира попыталась подняться, но ноги ещё дрожали. Незнакомец бросил на неё быстрый взгляд.

— На ноги. Сейчас.

— Я могу сама…

— Тогда сделай это быстрее.

Она с трудом поднялась.

Старик снова поднял костяную пластинку. На этот раз его пальцы начали вытягиваться, превращаясь в тонкие ветви.

— Ты забываешь своё место.

— Нет, — ответил мужчина. — Я слишком хорошо его помню.

Он двинулся вперёд.

Нож рассёк воздух, но не коснулся старика. Вместо этого

мужчина провёл лезвием по земле. Камни под ногами раскрылись, и из трещины вырвался серебряный корень. Он ударил старика в грудь.

Тот отшатнулся. Его плащ разошёлся, обнажив тело, состоящее из переплетённых ветвей и серой коры. На месте лица зияла тёмная впадина.

— Ты не должен был возвращаться, — прошипело существо.

— Я и не возвращался.

Мужчина повернул нож рукоятью вперёд и ударил старика по лбу.

Раздался сухой треск.

Тело рассыпалось на мелкие щепки. Костяная пластинка упала на камни и раскололась надвое. Янтарный свет в глазах статуй погас.

На площади стало тихо.

Мира смотрела на мужчину, не в силах отвести взгляд.

Он вытер нож о край плаща и спрятал его за пояс.

— Вы целы?

— Кажется.

— Это не ответ.

— Тогда да. Цела.

— Хорошо.

Он повернулся к Крошнику.

— Ты привёл её сюда.

— Я не мог оставить её одну!

— Мог.

— Ратибор просил…

— Не произноси его имя здесь.

Крошник сразу замолчал.

Мира нахмурилась.

— Вы знали моего отца?

Мужчина посмотрел на неё.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на усталость. Или боль. Но выражение исчезло так быстро, что Мира не успела понять, не показалось ли ей.

— Знал.

— Вы Яромир?

— Кто спрашивает?

— Мирослава.

— Я слышал.

— Тогда вы знаете, зачем я пришла.

— К сожалению.

Он развернулся и направился к воротам.

— Подождите! — крикнула Мира.

Мужчина остановился, но не обернулся.

— Мне нужно поговорить с вами.

— Мне нет.

— Вы только что спасли меня. Думаю, я вправе хотя бы поблагодарить.

— Благодарность — бесполезная вещь, если за ней следует просьба.

— У меня есть вопросы.

— У всех есть.

— Вы обещали моему отцу…

Яромир резко повернулся.

— Тише.

В его голосе не было злости, но Мира невольно замолчала.

Он подошёл ближе. Теперь она могла рассмотреть тонкие тёмные линии у него на шее. Они были похожи на корни, проступившие под кожей. При каждом движении они едва заметно меняли форму.

— Ты не понимаешь, где находишься, — сказал он. — И не понимаешь, что уже произошло из-за твоего прихода.

— Тогда объясните.

— Нет.

— Почему?

— Потому что некоторые ответы убивают быстрее, чем любое существо в этом мире.

— Я не боюсь.

Яромир посмотрел на неё долгим взглядом.

— Это не достоинство. Это недостаток опыта.

Мира почувствовала, как внутри поднимается гнев.

— Вы все говорите со мной так, будто я ребёнок. Мой отец умер. Я спустилась сюда, потому что его последние слова привели меня к вам. Я едва не погибла у ворот. И теперь вы собираетесь просто уйти?

— Да.

— Вы обещали ему!

На этот раз Яромир ничего не ответил.

Молчание оказалось тяжелее любого признания.

Крошник переминался с ноги на ногу, то поглядывая на Миру, то на Яромира.

— Может быть, не здесь? — осторожно предложил он. — У старого дома. Там стены хотя бы не такие любопытные.

— Стены везде любопытные, — отозвался Яромир.

— Но у старого дома они хотя бы вежливые.

Мужчина бросил на него усталый взгляд.

— Ты слишком много говоришь.

— Я знаю. Это мой главный недостаток.

— Не единственный.

— Не будем перечислять при гостье.

Яромир снова посмотрел на Миру.

— Идём.

Он не стал ждать ответа.

Мира задержалась на мгновение, оглядывая площадь. От старика не осталось ничего, кроме россыпи щепок и обломков костяной пластинки. Она наклонилась, чтобы поднять одну половинку, но Крошник схватил её за рукав.

— Не трогай.

— Почему?

— Потому что это была не вещь. Это был глаз.

— Чей?

Крошник посмотрел туда, где исчезло существо.

— Того, кто теперь знает, что ты здесь.

Мира медленно выпрямилась.

— Я думала, Чернава уже знает.

— Чернава знает многое, — прошептал Крошник. — Но не всё. И далеко не всегда первой.

Они последовали за Яромиром.

За воротами дорога становилась уже. Здесь не было домов и торговых улиц. Только каменные стены, переплетённые корнями, и редкие светильники в виде раскрытых цветов. В глубине каждого цветка горел маленький огонь. Когда Мира проходила мимо, лепестки поворачивались вслед за ней.

— Они тоже слушают? — спросила она.

— Всё слушает, — ответил Яромир.

— Даже камни?

— Особенно камни. Они живут дольше всех и потому помнят больше всех.

— Тогда почему вы не боитесь говорить?

— Я давно перестал рассчитывать на то, что мои слова останутся при мне.

Мира хотела спросить, что он имеет в виду, но Яромир остановился у развилки.

Одна дорога уходила вниз, к реке. Другая поднималась к узкому мосту, натянутому между двумя скалами. Третья исчезала в тёмном проходе, над которым висела связка сухих корней.

— Куда мы идём? — спросила Мира.

— В мой дом.

— Вы там живёте?

— Если это можно назвать жизнью.

Крошник поспешно заговорил:

— Дом хороший. Немного сырой, зато крепкий. Окна маленькие, зато их трудно разбить. И в кладовой есть…

— Крошник.

— Молчу.

Яромир свернул к мосту.

Под ногами Миры скрипели каменные плиты. Внизу простиралась бездонная расщелина, из которой поднимался тёплый ветер. Где-то в глубине звучал гул, похожий на далёкий прибой.

— Что там? — спросила она.

— Корневые воды.

— Они впадают в Реку Забвения?

— Нет. Они питают деревья.

— А если упасть?

— Не упади.

Мира посмотрела на него с раздражением.

— Вы всегда так любезны?

— Только с теми, кого приходится спасать.

— Я не просила меня спасать.

— В следующий раз я непременно уточню.

Крошник хихикнул, но тут же осёкся.

На другом конце моста что-то шевельнулось.

Сначала Мира решила, что это тень от светильника. Потом увидела длинные пальцы, цепляющиеся за край каменной плиты. Из расщелины поднялась голова существа.

Оно было похоже на оленя, если бы олень состоял из высохших корней и чёрной земли. Вместо глаз в его черепе горели два тусклых огонька. Из пасти свисали тонкие нити, похожие на корни молодых деревьев.

Яромир мгновенно заслонил Миру собой.

— Назад.

— Что это?

— Не смотри ему в глаза.

Существо вытянуло шею. Его рога заскребли по каменному своду.

Крошник прижался к ноге Миры.

— Корнеед, — прошептал он. — Он почуял её кровь.

— Что ему нужно?

— То, что осталось от договора.

Корнеед шагнул на мост.

Камень под его копытами треснул.

Яромир поднял руку, и из стены выступили тонкие корни. Они обвили шею существа, но тот дёрнулся, разорвал их и бросился вперёд.

Мира отступила. Мост дрогнул.

— Яромир!

— К стене!

Она прижалась к камню. Яромир вытащил нож и провёл им по собственной ладони. Несколько капель тёмной крови упали на мост. Камень под ними засветился, и по всей длине дороги пробежала серебряная линия.

Корнеед остановился.

Он поднял голову и издал звук, похожий на скрип дерева в сильный мороз.

— Уходи, — приказал Яромир.

Существо не двинулось.

Тогда мужчина произнёс несколько слов на незнакомом языке. Мира не разобрала их, но почувствовала, как воздух вокруг стал плотным и холодным. Корни, растущие в стенах, зашевелились, потянулись к мосту и сомкнулись вокруг звериных ног.

Корнеед взревел.

Его тело начало рассыпаться, но прежде чем исчезнуть, оно резко повернуло голову к Мире.

Впервые она увидела, что скрывалось за тусклыми огнями в его глазницах.

Там было человеческое лицо.

Молодое, бледное, с испуганными глазами.

Оно беззвучно шевельнуло губами.

Мира узнала слово.

«Помоги».

Потом лицо исчезло, и корнеед рассыпался в чёрную пыль.

Яромир опустил руку.

— Что это было? — прошептала Мира.

— Теперь уже ничего.

— Но там был человек!

— Ты увидела то, что он когда-то был.

— Его можно было спасти?

Яромир долго смотрел на пыль, оседавшую между камнями.

— Не всех можно спасти.

Он убрал нож. На ладони осталась глубокая рана, но кровь почти сразу перестала течь. Тёмные корневые линии на его шее на мгновение стали ярче.

Мира заметила это.

— Вы ранены.

— Нет.

— Я видела кровь.

— Это не одно и то же.

— Вы всегда так делаете? Отвечаете загадками вместо простых слов?

— Простые слова здесь опаснее загадок.

Он пошёл дальше.

Мира ещё раз посмотрела на место, где исчез корнеед. Ей казалось, что она всё ещё слышит тихую просьбу о помощи.

Когда они добрались до другого конца моста, впереди показался небольшой дом.

Он стоял в стороне от дороги, у самой скалы. Стены бы-

ли сложены из тёмного камня, а крышу покрывали широкие листья, похожие на лопухи. Вместо трубы из крыши поднимался тонкий ствол дерева, на котором росли три серебристых листа. В одном из окон горел тусклый свет.

Дом выглядел старым, но не заброшенным.

Яромир достал из-за пояса ключ. Он был сделан из корня, высушенного до твёрдости кости.

— Заходи, — сказал он Мире. — Но ничего не трогай.

— Почему?

— Потому что не всё в этом доме принадлежит мне.

— А кому?

Яромир открыл дверь.

— Тем, кого я не сумел забыть.

Внутри пахло дымом, сушёными травами и старой бумагой. У стены стоял широкий стол, заваленный свитками и деревянными дощечками. Над ним висели связки корней, на которых были вырезаны знаки. В углу находился каменный очаг с синим пламенем. Рядом стояло кресло, обитое выцветшей тканью.

На полке Мира заметила маленькую деревянную лошадку.

Она подошла ближе, но вспомнила предупреждение Яромира и остановилась.

— Не трогай, — повторил он.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

Крошник тем временем уже забрался на стол и заглядывал

в один из свитков.

— Ты обещал не трогать чужое, — заметил Яромир.

— Я только смотрю.

— Твоё любимое оправдание.

— Потому что оно часто работает.

Яромир снял плащ и повесил его на крюк. Под тканью открылась тёмная рубаха, а на предплечье проступал такой же корневой узор, как на шее. Он уходил под рукав и терялся у локтя.

Мира заметила, что мужчина старается держать руку неподвижно.

— Садись, — сказал он.

— Я лучше постою.

— Как хочешь.

Он налил в небольшую чашу воды из глиняного кувшина и поставил перед ней.

Мира не притронулась к чаше.

— Это безопасно?

— Если бы я хотел тебя отравить, не стал бы предлагать воду.

— Здесь всё может оказаться не тем, чем кажется.

— Наконец-то ты начинаешь понимать.

Она села, но чашу оставила на столе.

Некоторое время Яромир молчал. Он стоял у очага и смотрел на огонь. Его лицо в синем свете казалось ещё бледнее, а тёмные глаза почти сливались с тенями.

— Вы знали моего отца, — наконец сказала Мира.

— Да.

— Давно?

— Достаточно.

— Он был хранителем?

Яромир повернулся.

— Откуда ты знаешь?

— Перстень. Крошник. Послание, которое я услышала на лестнице.

— Значит, он всё-таки оставил тебе больше, чем следовало.

— Что он охранял?

— Границу между мирами.

— И договор?

— Да.

— Какой договор?

Яромир посмотрел на Крошника.

Тот мгновенно сделал вид, что рассматривает потолок.

— Не здесь, — произнёс мужчина.

— Почему?

— Потому что ты ещё не готова.

— Вы не можете решать за меня.

— Могу, если от этого зависит, останешься ли ты жива.

— Я не просила вас заботиться обо мне.

— Это хорошо. Я не собираюсь.

Мира сжала пальцы на краю стола.

— Тогда зачем вы спасли меня у ворот?

— Потому что обещал.

В комнате стало тихо.

— Отцу? — спросила она.

Яромир не ответил сразу.

— Да.

— Что именно вы ему обещали?

— Привести тебя сюда, если однажды откроется лестница.

— И вы ждали?

— Я надеялся, что этого не произойдёт.

Мира почувствовала, как холодеют пальцы.

— Почему?

Яромир подошёл к столу и положил ладонь на одну из старых дощечек. На её поверхности был вырезан знак, похожий на тот, что светился на перстне Ратибора.

— Потому что Нижедолье помнит долги, — сказал он. — И когда оно вспоминает о них, редко ограничивается одним человеком.

— Что это значит?

— Это значит, что твоё появление уже заметили.

— Кто?

— Те, кто следит за границей. Те, кто служит Чернаве. Те, кто давно ждал возвращения хранителя.

— Но я не хранитель.

— Пока нет.

Мира поднялась.

— Вы говорите так, будто знаете, что со мной будет.

— Я знаю, что может случиться.

— Тогда расскажите!

Яромир отвернулся к очагу.

— Твой отец пытался изменить то, что нельзя было менять.

— Он хотел разрушить договор?

— Нет.

Мира замерла.

— Тогда что он хотел?

— Спасти тех, кого договор должен был защищать.

— Почему вы не помогли ему?

Яромир медленно повернул голову.

В его взгляде появилось что-то такое, что Мира не решилась повторить вопрос.

— Я помог, — сказал он наконец. — И этого оказалось недостаточно.

Он подошёл к двери и проверил засов.

— Сегодня ты останешься здесь. Утром я отведу тебя к Чернаве.

— К владычице?

— Да.

— Вы сказали, что она уже знает о моём появлении.

— Я сказал, что его заметили.

— Это одно и то же?

— Нет. Но разница тебя не обрадует.

Крошник тихо сполз со стола.

— Яромир…

— Что?

— Ты ведь не собираешься отдавать её Чернаве?

— Я собираюсь отвести её к той, кто вправе решать судьбу договора.

— А если она решит иначе?

— Тогда нам придётся узнать, насколько далеко зашло разрушение.

Крошник посмотрел на Миру. В его глазах мелькнуло беспокойство, которое он тут же попытался спрятать.

— Не волнуйся, — сказал он. — Чернава не всегда сердится.

— А когда сердится?

— Тогда лучше, чтобы тебя рядом не было.

За окном послышался тихий скрежет.

Яромир мгновенно замолчал.

Мира повернулась к окну. За стеклом, среди тёмных листьев, двигалась тень. Она была слишком высокой для человека и слишком тонкой для дерева.

— Это ещё кто? — спросила она.

— Не смотри, — тихо произнёс Яромир.

Тень остановилась напротив окна.

На стекле проступили тонкие чёрные линии. Они складывались в буквы.

Мира не успела прочитать их, но Яромир успел.

Его лицо изменилось.

Он подошёл к окну и провёл пальцами по стеклу. Буквы исчезли, оставив после себя тёмный след.

— Что там было написано? — спросила Мира.

Яромир не ответил.

— Яромир?

Он обернулся.

— Чернава знает, что ты пришла.

— Вы уже говорили.

— Теперь она знает, что ты нашла меня.

Мира почувствовала, как внутри всё сжалось.

— И что это меняет?

Яромир посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Теперь она знает, что я нарушил своё обещание.

— Какое обещание?

Но он уже отвернулся.

За стенами дома Нижедолье продолжало жить своей странной, бесконечной жизнью. Где-то журчала вода, перекликались невидимые птицы, скрипели мосты. А далеко за городом, в глубине подземного мира, серебряное дерево медленно шевелило ветвями.

На одной из них распустился новый лист.

И в его серебристой поверхности отразилось лицо женщины с глазами цвета чёрной земли.

Глава 4. Город потерянных имён

Мира почти не спала.

Дом Яромира жил собственной жизнью. Ночью стены тихо потрескивали, словно в них ворочались старые деревья, половицы вздыхали под невидимыми шагами, а за окном то и дело слышался шелест, похожий на шёпот множества людей. Несколько раз девушка просыпалась от ощущения, что кто-то стоит возле её постели. Но каждый раз, открывая глаза, видела лишь синие отблески очага и неподвижную тень шкафа.

Один раз она всё-таки заметила движение.

У самой двери, в узкой полосе света, стояла маленькая фигура. Мира приподнялась на локте. Фигура не шевелилась, только её голова была чуть наклонена набок, будто она прислушивалась.

— Крошник? — прошептала Мира.

Фигура исчезла.

Девушка долго смотрела на пустое место, потом снова легла, натянув одеяло до подбородка.

Под утро ей приснился отец.

Ратибор стоял на берегу незнакомой реки. Вода была чёрной, но на её поверхности плавали серебряные листья. Он выглядел так, как Мира помнила его в последние годы: немного сутулый, с усталыми глазами и седыми прядями у висков. Только одежда на нём была другой — длинная тёмная рубаха, перехваченная поясом, на котором висели связ-

ки маленьких деревянных дощечек.

— Ты нашла его? — спросил отец.

— Кого?

Ратибор посмотрел куда-то за её плечо.

— Того, кто должен был остаться забытым.

Мира обернулась, но за спиной никого не было.

— Папа, скажи мне, что происходит.

Он протянул к ней руку.

— Не позволяй им решить за тебя, кем ты должна стать.

Вода поднялась, закрывая ему ноги.

— Подожди!

— И помни, Мира… — Голос отца стал тише. — Имя — не то, что тебе дают. Это то, что ты сохраняешь, когда всё остальное отнято.

Река накрыла его по пояс.

Мира бросилась вперёд, но берег вдруг провалился под ногами. Она упала в темноту и проснулась, резко вдохнув.

За окном уже светились серебряные листья.

Хотя здесь не было ни утра, ни ночи, Яромир говорил, что Нижедолье тоже знает время. Оно отсчитывает его не по солнцу, а по дыханию корней: когда они раскрываются, наступает день, когда сжимаются — ночь.

Мира села на постели и прислушалась.

В соседней комнате кто-то тихо ругался.

— Я не брал! — шипел Крошник.

— Тогда почему у тебя за спиной торчит моя связка кор-

ней? — спросил Яромир.

— Она сама туда забралась.

— Разумеется.

— Может, она соскучилась по мне?

— Верни.

Раздался шорох, затем недовольное сопение.

Мира невольно улыбнулась. На несколько мгновений дом показался ей почти обычным.

Она оделась и вышла.

Яромир стоял у стола, перебирая деревянные дощечки. Его волосы были собраны на затылке кожаным шнурком, а на предплечье темнел корневой узор. Рана на ладони исчезла, словно её никогда не было.

Крошник сидел на краю стола и делал вид, что изучает собственные ногти.

— Доброе утро, — сказала Мира.

Яромир поднял глаза.

— Здесь нет утра.

— Тогда добрый час.

— И часа тоже нет.

— Вы всегда так встречаете гостей?

— Только тех, кто задаёт слишком много вопросов.

— Значит, я вам особенно приятна.

Крошник прыснул.

Яромир посмотрел на него, и тот немедленно сделал вид, что кашляет.

— Ты готова? — спросил мужчина.

— Куда мы идём?

— В Город потерянных имён.

Мира застыла.

— Зачем?

— Ты хотела узнать о своём отце.

— Вы знаете, где искать?

— В городе хранятся записи обо всех, кто когда-либо был связан с Нижедольем. Даже если их имена исчезли из памяти живых.

— И имя моего отца там есть?

— Должно быть.

— А моё?

Яромир помолчал.

— Именно это мы и собираемся выяснить.

Крошник спрыгнул со стола.

— Я тоже иду.

— Нет, — сказал Яромир.

— Почему?

— Потому что вчера ты едва не выдал её стражам.

— Я спасал её!

— Ты спорил с существом, которое могло оторвать тебе голову.

— Я отвлекал его.

— Ты прятался за её спиной.

— Это была тактика!

Мира посмотрела на них обоих.

— Он пойдёт с нами.

Яромир нахмурился.

— Ты не знаешь, что просишь.

— Он знает дорогу. И, кажется, знает Нижедолье лучше меня.

— Крошник знает много дорог, — заметил Яромир. — Но далеко не все ведут туда, куда обещают.

— Я не заблужусь, — обиженно сказал Крошник.

— Ты однажды заблудился в собственном кармане.

— Там было темно!

Мира не выдержала и рассмеялась.

Яромир посмотрел на неё так, словно смех был ещё одной непредвиденной неприятностью, с которой ему придётся иметь дело.

— Ладно, — сказал он наконец. — Но держись рядом и ничего не трогай.

— Я всегда держусь рядом, — заверил Крошник.

— Это неправда.

— Но звучит обнадёживающе.

Дорога к Городу потерянных имён начиналась за старой каменной аркой, в которой не было ни ворот, ни дверей. Над аркой висела выцветшая табличка с надписью, сделанной серебряными буквами. Мира не смогла прочитать её целиком: некоторые знаки будто растворялись, стоило задержать на

них взгляд.

— Что здесь написано? — спросила она.

— «Тот, кто ищет имя, должен быть готов услышать тишину», — ответил Яромир.

— Почему я не могу прочитать?

— Потому что надпись меняется для каждого.

Крошник хмыкнул.

— Мне однажды показала: «Не входить с грязными ногами».

— И ты всё равно вошёл, — заметил Яромир.

— Я был босиком.

Они прошли под аркой.

Сразу стало тише.

Не просто тише, как бывает в лесу после сильного ветра или в доме, когда все засыпают. Здесь исчезли сами звуки. Не было ни шороха шагов, ни дыхания, ни скрипа одежды. Мира видела, как движутся губы Яромира, но первые несколько мгновений не слышала его голоса.

Потом слух вернулся — странный, приглушённый, словно между ней и миром лежал толстый слой ткани.

Перед ними раскинулся город.

Он не походил на Нижедолье, которое Мира увидела впервые с высокого уступа. Здесь не было торговых улиц, шумных домов и мерцающих деревьев. Город казался выстроенным из памяти.

Дома стояли рядами, но каждый был немного прозрач-

ным. Их стены складывались из тонких пластин, похожих на старое стекло, внутри которых мелькали тени. Некоторые здания напоминали человеческие жилища: низкие крыши, маленькие окна, резные двери. Другие были похожи на высокие башни, уходившие в темноту. На улицах росли деревья без листьев, а на их ветвях висели крошечные таблички.

На каждой была надпись.

Мира подошла к ближайшему дереву и прочитала одно имя.

— Варвара.

Буквы дрогнули.

На мгновение перед ней возникло лицо пожилой женщины с добрыми глазами. Она улыбалась, держа на руках маленького ребёнка. Потом образ исчез, а табличка снова стала пустой.

Мира отступила.

— Это воспоминания?

— Остатки, — ответил Яромир. — То, что осталось от людей, которых перестали помнить.

— Они умерли?

— Не обязательно. Некоторые исчезли, некоторые были забыты, некоторые сами отказались от своего имени.

— Почему?

— Иногда это единственный способ уйти от того, что тебя связывает с прошлым.

Крошник подошёл к другому дереву и потрогал одну из

табличек.

— А иногда имя забирают.

Яромир резко повернулся.

— Не трогай.

Крошник убрал руку.

— Я только хотел…

— Я знаю, что ты хотел.

Мира посмотрела на Яромира.

— Здесь можно найти любого человека?

— Если он когда-либо соприкасался с Нижедольем.

— Даже если он жив?

— Даже если жив.

Они пошли по улице.

Мира замечала всё новые детали. В одном из окон сидел мальчик и раскачивал деревянную лошадку. За стеклом проходила женщина в старинном платье, несущая корзину яблок. На площади стоял каменный фонтан, из которого вместо воды падали маленькие светящиеся буквы. Они касались земли и исчезали.

Никто из жителей не обращал внимания на пришельцев. Некоторые фигуры были почти прозрачными, другие выглядели вполне живыми. Но у всех было одно общее: они словно чего-то ждали.

— Почему они не уходят? — спросила Мира.

— Куда? — ответил Яромир.

— В мир живых. Или дальше.

— Не каждый знает, куда ему идти. Некоторые забыли дорогу. Другие ждут, что кто-нибудь назовёт их по имени.

Мира почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— А если никто не назовёт?

Яромир посмотрел на неё.

— Тогда они остаются здесь.

Крошник тихо добавил:

— Иногда очень надолго.

В конце улицы возвышалось здание, похожее на огромный раскрытый цветок. Его стены состояли из сотен узких каменных пластин, а над входом висел круглый знак — переплетённые корни, заключённые в серебряное кольцо.

— Реестр, — сказал Яромир.

Мира остановилась.

— Здесь?

— Да.

— Тогда пойдём.

Но Яромир не двинулся.

Он смотрел на здание с таким выражением, словно перед ним находилась не дверь, а могила.

— Что-то не так? — спросила Мира.

— Здесь давно не было хранителя.

— И что?

— Реестр может не узнать тебя.

— Но у меня есть перстень.

— Перстень не всегда говорит правду.

— А что тогда говорит?

Яромир перевёл взгляд на её лицо.

— Сам человек.

Он первым вошёл внутрь.

Внутри было прохладно.

Зал оказался гораздо больше, чем можно было предположить снаружи. Высокий купол поддерживали колонны, переплетённые живыми корнями. Между ними стояли длинные столы, на которых лежали книги, свитки и деревянные пластины. Некоторые были связаны тонкими серебряными нитями. Другие висели в воздухе, медленно переворачивая страницы.

В центре зала находилось огромное дерево.

Оно росло из каменного пола, но его ветви уходили не вверх, а в стороны, образуя подобие свода. На коре были вырезаны имена. Их было так много, что они сливались в сплошной узор.

Мира подошла ближе.

— Это и есть реестр?

— Его сердце, — ответил Яромир. — Книга корней хранит истинные имена тех, кто связан с договором. А всё остальное записано вокруг неё.

— Здесь есть имя Ратибора?

— Если он действительно был последним хранителем, оно

должно быть.

— Тогда найдём его.

У дальней стены стоял стол, за которым сидела женщина.

Она была очень старой. Её кожа напоминала тонкую бересту, а белые волосы спускались до пола. Вместо глаз у неё были два гладких серебристых камня. На пальцах блестели кольца с крошечными буквами.

— Кто пришёл? — спросила она.

Голос женщины звучал одновременно близко и далеко.

Яромир подошёл к столу.

— Нам нужен доступ к записям хранителей.

— Давно не было хранителей.

— Мы знаем.

— Последний ушёл.

— Он умер.

Женщина повернула голову.

— В Нижедолье смерть — не всегда конец.

Мира шагнула вперёд.

— Я дочь Ратибора.

Старуха замерла.

Тишина в зале стала ещё плотнее.

— Назови себя, — произнесла она.

Мира вспомнила предупреждение отца и почувствовала, как перстень на её пальце нагрелся.

— Мирослава.

Крошник тихо охнул.

Яромир резко повернулся к ней.

— Я же говорил…

Но старуха подняла руку.

— Поздно. Имя уже услышано.

Она медленно поднялась.

— Подойди, дитя хранителя.

Мира сделала шаг.

— Ты пришла искать отца?

— Да.

— Тогда смотри.

Старуха коснулась стола. На его поверхности проступили тонкие линии, складываясь в изображение большого дерева. Затем появились буквы.

РАТИБОР.

Имя было вырезано глубоко, словно кто-то хотел навсегда удержать его в древесине.

Мира протянула руку, но не коснулась букв.

— Это он?

— Это его имя, — ответила старуха. — Последний хранитель договора. Тот, кто пытался изменить старые условия.

— Что с ним случилось?

— Он нарушил порядок.

— Какой порядок?

— Хранитель должен был передать знание следующему хранителю. Он не передал.

— Он умер прежде, чем успел?

Старуха повернула голову в сторону Яромира.

— Нет.

Мира посмотрела на него.

Яромир стоял неподвижно.

— Вы знали? — спросила она.

— Да.

— Почему не сказали?

— Потому что это ничего бы не изменило.

— Для меня изменило бы.

Яромир отвёл взгляд.

Старуха провела пальцами по имени Ратибора. Под ним проступили новые знаки. Они были тоньше и темнее.

— Он пришёл сюда с просьбой, — сказала она. — Просил открыть дорогу, которую давно закрыли. Просил дать ему время. Просил сохранить то, что ещё можно было спасти.

— И вы отказали?

— Мы не отказываем. Мы записываем цену.

Мира почувствовала холод.

— Какую цену?

— Ту, которую он согласился заплатить.

— Какую?

Старуха не ответила.

Вместо этого она повернулась к огромному дереву в центре зала.

— Найди её имя.

— Чьё? — спросила Мира.

— Своё.

Яромир шагнул вперёд.

— Нет.

— Она должна увидеть.

— Не сейчас.

— Время уже прошло.

— Не тебе решать.

Старуха слегка улыбнулась.

— А тебе, Яромир? Ты всё ещё думаешь, что можешь решать?

Мира посмотрела на него.

— Что она имеет в виду?

— Ничего, — ответил он.

— Не лги ей, — сказала старуха.

Крошник попятился.

— Может, нам всё-таки уйти? — прошептал он.

Но Мира уже подошла к дереву.

На коре было множество имён. Некоторые сияли золотом, другие были почти чёрными. Одни казались свежими, другие так глубоко вросли в древесину, что их едва можно было различить.

Она искала знакомые буквы.

М.

И.

Р.

О.

С.

Л.

А.

В.

А.

Нашла.

Её имя находилось чуть ниже имени отца.

Мира провела взглядом по тонким линиям и заметила рядом маленький знак. Он напоминал незавершённый круг, пересечённый серебряной ветвью. Такой же знак был на перстне Ратибора.

Но рядом с её именем не было ни даты, ни отметки о смерти, ни записи о принадлежности к верхнему миру.

Только одна короткая надпись.

«Договор не завершён. Доля жизни удержана серебряным корнем».

Мира почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Что это значит?

Никто не ответил.

Она обернулась.

Яромир стоял в нескольких шагах от неё. Его лицо было неподвижным, но руки сжались в кулаки.

— Что это значит? — повторила Мира.

Старуха ответила первой:

— Твой отец заключил сделку.

— Какую сделку?

— Чтобы сохранить твою жизнь.

Мира посмотрела на неё, потом снова на собственное имя.

В памяти вспыхнули обрывки детства: горячий лоб, горький запах трав, материнские руки, отец, сидящий у кровати. Она почти не помнила ту болезнь. Только знала, что в детстве едва не умерла и что Ратибор потом долго не отходил от неё ни на шаг.

— Я болела, — прошептала она.

— Ты была на границе, — сказала старуха. — Между жизнью и тем, что лежит за ней.

— И отец…

— Попросил Нижедолье вернуть тебя.

— А взамен?

Старуха коснулась знака рядом с именем.

— Часть твоей жизни была обещана серебряному корню.

Мира отступила.

— Нет.

— Такова запись.

— Это неправда.

— Запись не умеет лгать.

— Тогда она ошибается!

Мира почувствовала, как в груди поднимается жар. Она схватила перстень, пытаясь снять его, но металл словно прирос к коже.

— Отец не мог так поступить.

— Он сделал это, чтобы ты жила, — тихо произнёс Яро-

мир.

Мира резко повернулась к нему.

— Вы знали?

Он не ответил.

— Вы знали и молчали?

— Да.

— Всё это время?

— Да.

— И вы позволили мне думать, что я просто дочь хранителя, которая случайно оказалась здесь?

— Я не позволял тебе ничего думать.

— Вы знали, что часть моей жизни принадлежит этому дереву!

Яромир шагнул к ней, но Мира отступила.

— Не подходите.

Он остановился.

— Я понимаю, что…

— Нет. Не понимаете.

Её голос дрожал.

— Вы не знаете, каково это — узнать, что твоя жизнь кому-то обещана. Что человек, которого ты любила больше всех на свете, решил за тебя, сколько тебе можно прожить и кому ты должна принадлежать после смерти.

— Он хотел тебя спасти.

— Я знаю! — Мира почти выкрикнула это. — Именно поэтому мне так больно!

В зале что-то изменилось.

Огромное дерево в центре тихо зашевелило ветвями. По коре побежали серебряные линии. Имена вспыхнули одно за другим, словно кто-то зажёг множество свечей.

Старуха повернула голову.

— Тише, дитя.

— Почему?

— Ты разбудила то, что спало.

На дальних стенах начали проступать чёрные пятна.

Сначала небольшие, потом всё шире. Они ползли по камню, поднимались к колоннам и оплетали корни.

Крошник вскрикнул и спрятался за столом.

— Я же говорил! Я же говорил, что нельзя тревожить записи!

Из глубины дерева донёсся низкий треск.

Мира увидела, как рядом с её именем появилась тонкая чёрная нить. Она медленно тянулась вверх, к серебряному знаку, словно кто-то пытался перечеркнуть надпись.

Яромир оказался рядом с ней.

— Отойди от дерева.

— Что это?

— То, что не должно было найти дорогу сюда.

Старуха подняла руки. Из её пальцев вырвались серебряные нити, опутавшие ствол.

— Уходите! — приказала она. — Немедленно!

— А записи? — крикнула Мира.

— Они уже запомнили тебя!

Яромир схватил её за руку.

— Бежим!

Они бросились к выходу. Крошник выскочил из-за стола и помчался следом, прижимая к груди какую-то маленькую деревянную пластинку.

За спиной раздался грохот. Одна из колонн треснула. Чёрные корни выползли на пол, цепляясь за ноги.

Мира едва не упала, но Яромир удержал её.

— Не останавливайся!

Они выскочили из здания и побежали по пустынной улице. За ними гасли светящиеся буквы, исчезали таблички, а прозрачные дома покрывались тёмными прожилками.

Впереди показалась каменная арка.

Когда они пересекли её, звуки Нижедолья обрушились на них разом. Мира услышала журчание воды, далёкие голоса, шелест деревьев и собственное тяжёлое дыхание.

Яромир отпустил её руку.

— Ты в порядке?

Мира отступила.

— Не прикасайтесь ко мне.

Он опустил голову.

— Хорошо.

Крошник подбежал к ним, тяжело дыша.

— Это было ужасно. Просто ужасно. Я больше никогда не пойду в этот город. Никогда. Даже если мне заплатят. Осо-

бенно если заплатят.

Мира посмотрела на него.

— Что ты украл?

Крошник прижал пластинку к груди.

— Ничего.

— Я видела.

— Это не кража. Это… временное сохранение.

— Покажи.

Он неохотно протянул ей деревянную пластинку.

На ней было вырезано имя Ратибора.

Мира провела пальцем над буквами, не касаясь их.

— Зачем ты взял это?

— Потому что записи могут исчезнуть, — тихо ответил Крошник. — А имена должны где-то оставаться.

Она посмотрела на него внимательнее.

Впервые за всё время Крошник не пытался шутить.

— Ты знал о сделке? — спросила Мира.

Он опустил глаза.

— Немного.

— Что значит «немного»?

— Я знал, что Ратибор просил Нижедолье спасти тебя. Но не знал, какую цену он согласился заплатить.

— Ты тоже молчал.

— Я боялся.

— Чего?

Крошник поднял голову.

— Что если ты узнаешь, то начнёшь искать способ разорвать сделку. А тогда дерево заберёт не только то, что ему обещали.

Мира посмотрела на серебряный перстень.

Он больше не светился.

— Значит, я должна была остаться наверху и ничего не знать?

— Нет, — ответил Крошник. — Ты должна была прийти сюда, когда будешь готова.

— А кто решает, когда я готова?

Существо не нашло ответа.

Мира повернулась к Яромиру.

— Вы знали, что отец пытался изменить договор. Вы знали о сделке. Вы знали, что моё имя записано в Книге корней. Что ещё вы скрываете?

Яромир долго молчал.

— Многое.

— Тогда начните говорить.

— Не сейчас.

— Почему?

Он посмотрел на неё, и в его глазах появилась усталость, которую уже невозможно было скрыть.

— Потому что сегодня Чернава получила подтверждение, что ты связана с серебряным деревом. А это значит, что она больше не станет ждать.

Мира почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Что она сделает?

— Позовёт тебя к себе.

— А если я откажусь?

Яромир посмотрел в сторону чёрных башен.

— Тогда она придёт сама.

Они возвращались к дому почти молча.

Нижедолье снова казалось живым и привычным, но теперь Мира смотрела на него иначе. За каждым светящимся окном могли скрываться чужие воспоминания. За каждым именем — забытая судьба. За каждым корнем — обещание, о котором никто не осмеливался говорить вслух.

Она думала об отце.

Ратибор спас её. Это было несомненно. Но он сделал это, не спросив, хочет ли она жить такой жизнью. Возможно, он не видел другого выхода. Возможно, был уверен, что когда-нибудь найдёт способ изменить условия. Но теперь Мира знала: её жизнь с самого начала была связана с чем-то древним и огромным.

И она не собиралась мириться с этим.

Когда они подошли к дому, Яромир остановился.

— Сегодня ты останешься здесь.

— А вы?

— Мне нужно поговорить с Чернавой.

— Вы собираетесь рассказать ей обо мне?

— Она уже знает.

— Тогда зачем идти?

— Чтобы понять, чего она хочет.

Мира посмотрела на него.

— А вы чего хотите, Яромир?

Он будто не ожидал этого вопроса.

Несколько мгновений он молчал, потом тихо ответил:

— Чтобы ты не повторила судьбу своего отца.

— А если я захочу поступить иначе?

— Тогда, возможно, впервые за долгое время у Нижедолья появится шанс.

Он открыл дверь.

Мира вошла первой. Крошник последовал за ней, всё ещё прижимая к груди пластинку с именем Ратибора.

Яромир задержался на пороге.

— И ещё, Мирослава.

Она обернулась.

— Что?

— Если ночью услышишь, как кто-то зовёт тебя голосом отца, не отвечай.

Мира почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Почему?

Яромир посмотрел в сторону далёких башен.

— Потому что мёртвые не всегда возвращаются теми, кем были.

Он закрыл дверь.

А далеко под корнями Нижедолья чёрная нить, появив-

шаяся рядом с именем Мирославы, медленно расползалась по серебряной коре.

И где-то в глубине дерева кто-то произнёс её имя.

Глава 5. Договор на костяной доске

Утром Яромир вернулся не один.

Мира услышала его шаги ещё до того, как открылась дверь. За ночь она почти не сомкнула глаз, а под утро задремала в кресле у очага, укрывшись старым плащом. Крошник спал на полке, свернувшись клубком среди сухих корней. Во сне он тихонько посвистывал, и из его носа время от времени вылетали крошечные мыльные пузыри, пахнущие грибами.

Когда дверь распахнулась, один из пузырей лопнул прямо над его головой.

— Кто посмел? — возмутился Крошник, подскакивая.

— Я, — ответил Яромир.

— Тогда прошу прощения. Я не знал, что это ты.

— Ты только что назвал меня бездарным похитителем сна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.